

Когда Вы познакомились — в шестидесятых?

В.С. Точно не могу сказать. Через Некрасова познакомился, конечно, и чаще всего встречался с ним у Некрасова, в Сокольниках.

Он когда-нибудь при вас читал что-нибудь свое?

В.С. У Некрасова, какие-то фрагменты, но редко. Было при этом, кроме хозяев, еще максимум человека четыре. Именных вечеров, званых, что ли, не помню...

Он себя всерьез воспринимал? Или не очень?

В.С. Мне кажется, что он воспринимал себя правильно.

Вы вот сокрушаетесь, что Соковнина «нет в каноне». Поскольку сейчас в массовом порядке начали переваривать обэриутов, то следующим наступит, видимо, черед Соковнина.

Обэриутов уже осваивают лет 50 как.

В.С. Ну, очень узкий круг людей. И в шестидесятые годы ходила машинопись, но ведь в единичных экземплярах...

Вот, кстати, у вас есть машинописная книжечка Олейникова, шестидесятых или даже конца пятидесятых, — откуда она взялась?

В.С. Некрасов привез в 1959 году в Сухуми, а я организовал копию. Сам же Некрасов (он должен был, что называется, с литературными гостинцами явиться), видимо, взял Олейникова у Л.Е.Пинского.

Может, это только мне так представляется, но Соковнин внимательно прочитал обэриутов. У него, как и у них, есть какая-то свобода в обращении с сюжетом, с темой, есть логика, в нашем обиходе не принятая, когда, действительно, дважды два — не четыре.

Вы имеете в виду «Вариус», да?

В.С. Да. Я-то уже познакомился с Соковниным, когда «Вариус» был написан, или по крайней мере сложился. Я помню, Соковнин уезжал в Поленово, работать в музее, на лето. Я как-то тоже забрел в Поленово, когда он там был... Было понятно, что «Вариус» его основной труд, даже и в формальном отношении.

Соковнин говорил про «Вариус», что это его основная вещь?

В.С. Нет. Я должен был сам понять, что человек нашел себя, нашел тему, сюжет; собственно говоря, сам себе создал памятник — и продолжал над ним работать. «Вариус» такое сооружение, которое можно без конца достраивать и совершенствовать. Вот это я понимал как личное достижение Соковнина. В этом смысле он по типу творчества совершенно противоположен Некрасову и большинству других авторов.

?

В.С. Все-таки в сравнении с Соковниным Некрасов может веер сюжетов и жизненных наблюдений предложить. И социальную материю, если не в полном объеме, то в значительном, по крайней мере, в том, что касается новых, актуальных изменений нашей жизни. Эти изменения у Некрасова всегда находят отражение, то или иное, скрытое или не очень, или откровенное, с нажимом. У Соковнина же, как я понимал, все это должно было пройти предварительную утрамбовку, укатку, для того чтобы стать кирпичом в сооружении. Я не могу вспомнить, например, чтобы я в какой-то

определенный момент попросил почитать «Вариус», мне бы его дали...
«Вариус» я воспринимаю как нечто существующее у меня в голове.

Как звучание, да?

В.С. Ну да. Это некая конструкция, которая реализуется в авторском чтении, но все-таки и идея, не ограниченная материальным воплощением. У Некрасова же всегда речь идет о конкретной реализации художественной идеи, о конкретных случаях реализации разных идей.

Читал ли Соковнин когда-нибудь при вас свои предметники?

В.С. Только «Вариус».

«Вариус» — это проза или стихи, как вам кажется?

В.С. И то, и другое. Перемешано, неопределимо.

У вас есть ведь последняя из двух вышедших соковнинских книжек?

В.С. Да. Какой там хороший портрет на обложке <Альберта Лехмуса>! Почти детское вопрошание, широко открыты глаза, навстречу этому миру. Что все-таки может фотография, а...

Я опаздывал на Мишины похороны (видимо, ехал из-за города). И у меня в памяти эта длинная аллея на Ваганьковском, по которой я мчался, догоняя... Почему-то слезы меня душили.

2016 г.